

Научная статья

УДК 81'272

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-50-62

Лексико-грамматическая интерференция русского и английского языков в интернет-общении

**Любовь Александровна Ульяницкая
Елизавета Сергеевна Скрынник**

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)
Санкт-Петербург, Россия

ulianitckaia_liubov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>
skrynnik_elisabeth@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6360-7471>

Аннотация

Настоящее исследование посвящено феномену языковой интерференции в паре русский – английский языки в контексте продолжающегося укрепления статуса английского языка как международного языка онлайн-общения. Актуальность исследования заключается в том, что работа отвечает научной потребности в изучении процесса языкового контакта русского и английского языков в интернет-пространстве, а также языковых процессов, наблюдающихся в системе современного русского языка. Цель настоящей работы – выявление и анализ особенностей лексической и грамматической интерференции в паре русский – английский языки в среде интернет-общения. Методы исследования, использованные в работе, обусловлены ее целью, задачами и характером языкового материала: метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный и семантический анализ, а также комплексный анализ экстралингвистических факторов интерференции. В ходе исследования обнаружилось, что пользователи Интернета стремятся приблизить онлайн-коммуникацию к офлайн-общению, мгновенно превращая потенциальное речевое высказывание в печатный текст. Изучение лексико-грамматической интерференции показало, что чаще всего пользователи сети Интернет прибегают к использованию иноязычных единиц в тех случаях, когда желают уменьшить эмоциональную нагрузку высказывания или сталкиваются с невозможностью выразить определенную грамматическую или лексическую сему с помощью единиц русского языка. Говорящие используют не свойственные родному языку синтаксические модели для упрощения высказываний. Последствия языковой интерференции весьма специфичны. В материале исследования обнаружены случаи повторного использования значительного количества интерферированных единиц, что свидетельствует, с одной стороны, о склонности этих единиц закрепляться в индивидуальном словаре носителя, и, с другой стороны, о возможности их перехода сначала в узус, а затем, вероятно, и в языковую норму. Результаты исследования также свидетельствуют о тенденции приближения русского языка к аналитическому типу, в первую очередь через непроизвольную редукцию падежной системы в разговорной речи.

Ключевые слова

интерференция, английский язык, русский язык, языковые контакты, билингвизм, интернет-общение

Для цитирования

Ульяницкая Л. А., Скрынник Е. С. Лексико-грамматическая интерференция русского и английского языков в интернет-общении // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23. № 2. С. 50–62. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-50-62

English-Russian Language Interference in Online Communication: Lexical and Grammatical Aspects

Liubov A. Ulianitckaia, Elizaveta S. Skrynnik

Saint Petersburg Electrotechnical University

Saint Petersburg, Russian Federation

ulianitckaia_liubov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>
skrynnik_elisabeth@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6360-7471>

Abstract

The present study focuses on Russian-English language interference in the context of strengthening English as the global language of online communication.

The relevance of the research stems from the demand in scientific research on the dynamics of language contact between Russian and English in online-communication, as well as on linguistic tendencies in the system of modern Russian language. The research aims to identify and analyze lexical and grammatical aspects in Russian-English language interference in online-communication. The research methods were chosen in accordance with the aim, tasks and nature of the study: continuous sampling, complex analysis of extralinguistic factors of language interference, comparative analysis. The study shows that text-messages and posts in online-communication tend to resemble spoken language, which indicates that Internet users are seeking to close the gap between online and offline communication. It demonstrates that internet users implement foreign language units to dissociate from emotionally loaded utterances as well as to express a specific grammatical or lexical semantic unit not found in their native language. To facilitate sentences one also uses syntax models which are foreign for the native language. The consequences of language interference are rather specific. The studied material shows that interference units are used repeatedly to a large extent. This implies that such language units, on the one hand, tend to be part of the speaker's individual vocabulary and, on the other hand, they may become linguistic norm. The research argues that Russian has a tendency to move towards more analytic language paradigms, predominantly through involuntary reduction of the case system in the spoken language.

Keywords

language interference, English language, Russian language, language contact, bilingualism, online communication

For citation

Ulianitckaia L. A., Skrynnik E. S. English-Russian Language Interference in Online Communication: lexical and grammatical aspects. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 2, pp. 50–62.
DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-50-62

Введение

Языковой контакт влиял на языковые процессы всегда, однако самостоятельным объектом исследования он стал сравнительно недавно – именно тогда возникла контактная лингвистика.

Современные технологии, осознание ценности многообразия в человеческом сообществе, развитие межкультурных связей и процессы миграции создают условия, при которых явления, связанные с языковыми контактами, в частности языковая интерференция, становятся частью повседневной жизни среднестатистического носителя языка. При этом методологическая база, описывающая данные языковые процессы и явления, все еще остается недостаточно разработанной, разнятся подходы ученых к интерпретации терминов.

Контактная лингвистика является относительно молодой дисциплиной – в 1953 г. была опубликована монография У. Вайнрайха «Языковые контакты», которая признается первым всеобъемлющим теоретическим трудом, описывающим сферу проблем контактной лингвистики, не теряющим своей актуальности и в наше время [Вайнрайх, 1979]. В «Языковых контактах» У. Вайнрайх обозначает основные интересы изучающих дисциплину – языковой контакт, билингвизм, интерференция, «смешанные» языки и социокультурный аспект языковой конвергенции.

В настоящее время, когда главенствует антропологическая научная парадигма и язык все чаще рассматривается именно как инструмент общения человека, от человека неотделимый, и когда в мировом сообществе настолько сильны процессы миграции и постоянного тесного контакта самых разных культур друг с другом, важность исследования и значимость процессов, происходящих в результате языковых контактов, невозможно отрицать. Наряду с практическими исследованиями проводится работа по усилению методологической базы. Но уже на данном этапе можно сказать, что изучение взаимодействия языковых систем позволяет лингвистам лучше понимать такие процессы, как возникновение языков и формирование грамматических категорий.

Языковая интерференция при языковых контактах

Главное понятие контактной лингвистики – языковой контакт. Изначально термин «языковые контакты» был предложен А. Мартине [Martinet, 1972] вместо термина «смешение языков» Г. Шухардта [Schuchardt, 1928]. Л. В. Щерба предлагал альтернативную терминологию – «взаимовлияние языков» [Щерба, 1958], а А. Росетти выдвинул идею разграничивать «языки с элементами смешения» и «смешанные языки», где первые – те, в которых не наблюдается случаи заимствования морфологии [Росетти, 1972].

Предложенные термины указывают на либо слишком узкие явления, либо обладают слишком широким ассоциативным рядом. Как альтернатива был предложен термин «языковые контакты», достаточно широкий, и в то же время более однозначный.

У. Вайнрайх определил языковой контакт следующим образом: «...два или несколько языков находятся в контакте, если ими попеременно пользуется одно и то же лицо» [Вайнрайх, 1979]. Современный лингвист Ж. Багана предлагает определять языковые контакты как «любые случаи сосуществования и взаимодействия языков в языковом сознании индивида или языковом сообществе» [Багана, 2010]. Советский лингвист Д. Ю. Дешериев высказывает мнение о том, что языковой контакт как термин представляет собой, скорее, метафору, описывающую контакт двух или более языковых коллективов, так как встреча и взаимодействие разных языков возможна только при встрече тех, кто на них говорит [Дешериев, 1977]. Определения языковых контактов делятся на подразумевающих их как процесс: исключительно индивидуальный; происходящий как на уровне индивида, так и на уровне сообщества; существующий только на уровне контакта разных говорящих сообществ (языковых коллективов).

Языковой контакт действительно происходит в сознании индивида, владеющего в той или иной степени двумя и более языковыми кодами, т. е., если опираться на самое широкое определение термина, в сознании билингва; однако в этом случае результат чаще окказионален и не становится узуальным фактом языка. Речь билингва часто наполнена такими окказиональными заменами единиц одного языка единицами другого, и именно это многоаспектное явление можно назвать языковой интерференцией.

Язык как средство коммуникации передает сообщения, при этом для кодирования каждого сообщения подбираются свои индивидуальные языковые единицы, наиболее эффективные в зависимости от реципиента. Следствием этого, как справедливо утверждает Р. Аппель, является невозможность разделения аспектов изучения языкового контакта на социологический, психологический, социолингвистический и, собственно, лингвистический аспект – все эти аспекты имеют между собой множество разноуровневых связей [Appel, 2005].

Так, когда мы говорим о лингвистической интерференции, необходимо помнить о том, что это сложный феномен, обусловленный множеством факторов, в том числе экстралингвистических. Например, в речи одного и того же человека объем интерферентных единиц варьируется в зависимости от обстоятельств коммуникативной ситуации.

У. Вайнрайх определяет понятие интерференции как «случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше

языков, чем один» [Вайнрайх, 1979. С. 22]. Ж. Багана пишет: «В лингвистическом аспекте интерференция понимается как отклонение от норм языка. Это особый тип влияния одного языка на другой, который устанавливается в устной и письменной речи многоязычного индивида» [Багана, 2020. С. 25]. Согласно Л. И. Баарнниковой, интерференция есть изменение в структуре или элементах структуры одного языка под влиянием другого [Баарнникова, 1972]. В. Ю. Розенцвейг интерференцией называет «нарушение билингвом правил соотнесения контактирующих языков, которые проявляются в его речи в отклонении от нормы» [Розенцвейг, 1972. С. 47]. По мнению Н. Б. Мечковской, ошибки в речи на иностранном языке, вызванные влиянием системы родного языка как раз таки и являются интерференцией [Мечковская, 1983]. Тем самым, интерференция – явление речи, которое можно описать как произвольное нарушение языковой нормы в результате взаимодействия двух языковых систем; чаще всего это явление окказионально, но может перерости в узульный факт языка. Переход иноязычной единицы из «речи» в «язык» Ж. Багана называет «следующей» стадией интерференции.

Л. А. Ульяницкая предложила для подготовляемых к такому переходу единиц термин «интермедиат», полагая, что интерференция является промежуточной стадией в системе «язык – речь», когда единицы применяются в речевой деятельности, но не зарегистрированы в словарях и не считаются языковой нормой [Ульяницкая, 2018]. Таким образом, достоверное исследование процесса интерференции возможно лишь при обращении к речи. Термин «интермедиат» представляется наиболее точным, поскольку запечатлевает принадлежность явления интерференции не только к системе языка, но и к системе речи.

Каждый язык отражает одну и ту же объективную реальность, однако оформляет ее по-разному. Лингвистическая относительность порождает языковое мышление, где носители разных языков имеют специфический для своего языка способ вербального выражения мыслей: они используют не только различные фонетические единицы, но и различно сконструированные семантические формы – лексические и грамматические единицы.

Источником интерференции становятся различия между взаимодействующими системами языка, а значит, интерференция может проявляться на всех языковых уровнях. Однако не все потенциальные формы интерференции реализуются. Классификация интерференции проводится с применением весьма различных критериев. Выделяются языковая, речевая и коммуникативная интерференция; прямая, обратная и двусторонняя; явная и скрытая; внутриязыковая и межъязыковая. Говорят также о коммуникативно-релевантном и коммуникативно-нерелевантном типах интерференции; в первом случае нарушение нормы не препятствует взаимопониманию, а во втором – приводит к коммуникативным неудачам.

Российские лингвисты Е. А. Земская и М. А. Осипова проводили обширные исследования речи русскоязычных иммигрантов в англоязычной стране [Земская, 2001; Осипова, 2002]. В результате этих исследований было высказано предположение о возможности интерференции словообразовательных систем языков. В сходной по тематике статье «Интерференция словообразовательных механизмов в языковых системах билингвов» лингвисты С. Менгель и Е. Плаксина приходят к выводу о возможности интенсивного заимствования моделей словоформ из иностранных языков [Менгель, Плаксина, 2012]. Явление словообразовательной интерференции, как и многие другие языковые процессы, они объясняют фундаментальным стремлением языка к экономии языковых средств. В языке иммигрантов выявилось, что способы словообразования были в известной степени аналогичны продуктивным словообразовательным механизмам русского языка метрополии. Тем самым, интерференция может затрагивать уровни языковой системы, связанные не только со словоизменением, но и со словообразованием.

Традиционно вслед за У. Вайнрайхом выделяют три основных типа языковой интерференции, соответствующих уровням языка: фонетическую, лексическую и грамматическую.

Ж. Багана различает фонетическую и фонологическую, грамматическую и лексическую интерференцию [Багана, 2020. С. 26]. Позднее были предложены и другие типологии лингви-

стической интерференции, а также дальнейшее разделение на типы грамматических, синтаксических и других интерфирированных единиц, однако типология, основанная на признаке «уровень языка», представляется для настоящего исследования наиболее подходящей.

Лексическая интерференция является частым и одним из наиболее изученных типов интерференции. Одним из ее проявлений являются слова, обозначающиеся как «ложные друзья переводчика», т. е. межъязыковые омонимы. Феномен межъязыковых омонимов заключается в том, что слова имеют отличающийся денотат, но схожую форму; это приводит к ошибочному их употреблению в качестве эквивалента. Лексическая интерференция также может служить причиной семантического сдвига. Еще более частым примером лексической интерференции являются случаи вкрапления иноязычной лексики в родной, или, используя термин К. Майерс-Скоттон [Майерс-Скоттон, 2002], матричный язык. Такие единицы в корпусе языка встречаются редко, не закреплены в словаре, могут быть непонятны значительной части носителей языка и поэтому не причисляются к заимствованиям. Тем не менее нерегулярная иноязычная лексика может стать по прошествии некоторого времени вполне регулярной.

Грамматическая интерференция делится на морфологическую, синтаксическую и пунктуационную. Морфологическая интерференция может проявить себя на уровне морфем, частей речи и грамматических категорий. Синтаксическая интерференция заключается в отклонении от закономерностей сочетаемости в пределах синтаксических единиц. В. Ю. Розенцвейг определяет синтаксическую интерференцию как выражающуюся главным образом в замене правил синтаксического оформления предложения, свойственных каждому из контактирующих языков, правилами общими, оформляющими те же смысловые отношения [Розенцвейг, 1972. С. 15]. Такая замена часто напоминает калькированный перевод с иностранного языка.

Явление языковой интерференции представляет особую важность для теоретической лингвистики, так как его исследование позволяет определить наиболее уязвимые и подверженные изменениям уровни языка, а также более глубоко изучить языковые структуры и механизмы их взаимодействия. Обращение к различным парам контактирующих языков вносит вклад в развитие теории смешения языков, помогая определить наличие универсалий, характерных для процесса лингвистической интерференции.

Материал исследования и методология

Исследовательским материалом послужили 400 постов и 100 комментариев в следующих телеграм-каналах: *Ксюня, поясни за литру;* *Возвращение в hiraeth или охота на хозяина;* *The gentlewoman*, а также видео 25 выпусков из следующих каналов, размещенных на видеохостинге Youtube: *Vova Utrom; Areen; Настя федько.*

Методом сплошной выборки было отобрано 250 интерферентных единиц, которые разделяются на примеры лексической и грамматической интерференции. Так, из 250 единиц, 172 (69 %) – примеры лексической интерференции и 78 (31 %) – примеры грамматической интерференции.

Лексическая интерференция

Интерферентное влияние лексических единиц английского языка на русский является наиболее распространенным типом интерференции в повседневной жизни носителей русского языка, во многом это связано с номинативной функцией интерферентных единиц.

В группе словосочетаний из 37 примеров 14 обозначают плохо переводимые на русский язык концепции (при прямом переводе утрачивается слой контекста / ассоциативный ряд, присутствующий на английском, так как такие словосочетания никак не встроены или слабо встроены в русскоязычный дискурс): *safe space* (*безопасное пространство*), *red flag* (*красный флаг*), *people pleasing tendencies* (*тенденция угождать людям*), *basic girl* (*базовая девушка*),

coping mechanism (способ справиться), *study routine* (рутина образования), *dating contest* (конкурс свиданий), *slow life* (медленная жизнь), *aesthetic girl* (девушка эстетики), *flowy flowery wavy aesthetic* (текучая цветочная волнистая эстетика), *gentle reminder* (бережное напоминание), *goofy funny but serious smart vibe* (дурачающееся забавное, но серьезное умное общее впечатление), *bare minimum* (голый минимум), *slightly related field* (едва относящееся к теме поле), *attention span* (промежуток внимания).

Экспрессивная функция интерференции иллюстрируется примерами использованных в речи устойчивых выражений: *knowing damn well, too much to ask, you know, choose your fighter, fight me, god knows, no pressure, not gonna lie, are you joking, just say it, am I right* и др. Устойчивые словосочетания также демонстрируют способность интерферированных единиц менять эмоциональный регистр коммуникации, например: *fun fact, lil life update, good morning, some serious problems, best friends forever, same energy*. Такие выражения могут быть достаточно просто переведены на русский язык, однако говорящие использовали интерферентные единицы, поскольку единицы другого языка привносят другой контекст, понятный именно пользователям Интернета. Такие интерферированные единицы напоминают цитирование специфических интонаций, элементов шуток (мемов), особенной культуры общения на разных интернет-платформах, в различных социальных сетях. Таким же механизмом можно объяснить использование иноязычных вводных слов для выражения определенных эмоциональных оттенков: *well, anyway, also*.

Иногда единицы иностранного языка используются говорящим как способ эмоционально отдалиться и смягчить смысл сообщения для получателя: *мой main страх это...* (главный страх); *я чувствую приближение mental брэйкдауна* (нервного срыва); *это помогает мне чувствовать powerful* (сильной); *у нас relationships* (отношения); *передо мной сидит прекрасная девушка и она all mine* (целиком моя); *а со мной это сразу dealbreaker* (и для меня это причина разойтись с человеком); *и вот я такая очень judgemental lady* (осуждающая девушка); *мне кажется они просто completely delusional* (совершенно оторваны от реальности); *считаю это red flagom* (неприемлемым поведением); *ну раз уж у нас такой private честный talk* (личный честный разговор); *у нас случился disconnect* очень не *comfy* (мы не нашли взаимопонимания, и это было очень неприятно); лекция, *к сожалению, отменяется – у меня some serious problems* (некоторые серьезные проблемы); *я ощущаю себя lovely* (очаровательно); *просто побывать семейной парой на три дня, why not* (почему нет). Перечисленные примеры показывают, что говорящие, интегрируя в речь иноязычные единицы, чаще всего преследовали цель отдалиться от чувства неловкости, страха, сильной привязанности и использовали англоязычные вставки как способ выразиться более корректно или деликатно при высказывании негативных утверждений.

Также были отобраны следующие глаголы, встроенные в синтаксис русских предложений: *хартатакнуться* (от англ. *heart attack* «сердечный приступ», в знач. *пережить сильный испуг*); *рилэйчусь* (от англ. *to relate* «соотноситься», в знач. «я чувствую то же самое»); *герлбосить* (конверсия от англ. *girl-boss* «успешная амбициозная девушка», в знач. «усилиенно работать»); *машить* (от англ. *to mash* «плющить», в знач. «сделать пюре»); *профакапилась* (от англ. *to fuck up* неценз. «опростоволоситься», в знач. «опростоволоситься»); *хилим* (от англ. *to heal* «вылечивать», в знач. «вылечивать»); *хонтило* (от англ. *to haint* «преследовать», в знач. «преследовать»); *дэйтить* (от англ. *to date* «встречаться», в знач. «встречаться»); *брейкаутиться* (от англ. *to break out* «вспыхнуть», про кожу «покрываться прыщами», в знач. «покрываться прыщами»); *роасчу* (от англ. *to roast* «прожаривать» ам. «высмеивать», в знач. «высмеивать»). Все обнаруженные глаголы ассилированы по правилам русской морфологии, что демонстрирует высокую вероятность их закрепления в системе русского языка, а также ее крайнюю продуктивность и гибкость.

Встречаются повторяющиеся интерферентные единицы: глагол *забондиться* – от англ. *bond* (связывать); *экспириенсов* – от англ. *experience* (опыт); *леджит* – от англ. *legit* (прав-

дивый); **рилэйчу** – от англ. *relate* (соотноситься); **I feel you** (сочувствую); **in question** (ранее упомянутый), **interesting** (в знач. «интересно»), **lifestyle** (стиль жизни), **реюз** – от англ. *reuse* (повторное употребление), **пушить** – от англ. *push* (толкать), **фан факт** – от англ. *fun fact* (забавный факт), **комфортшии** – от англ. *comfort* (утешать), **be like** (тинга), **choose your fighter** (выбери своего бойца), **you know** (знаешь).

Регулярно встречающиеся примеры подобной интерференции указывают на вероятный процесс перехода некоторых лексических единиц из сферы окказионального употребления в узус.

Интересно отметить среди повторяющихся интерферентных единиц лексемы, произошедшие от основы «комфорт» под влиянием английского глагола *to comfort* (утешать, успокаивать). Примеры употребления: **закомфортила** (син. утешила), **закомфортить** (син. утешить), **закомфортиться** (син. успокоиться), **комфортшии** (в знач. люди, с которыми уютно, спокойно).

«Ты **комфортник**» (ты милый хороший человек, с которым спокойно)

«Я боюсь этого, но с **комфортной** фотографкой это даже приятно» (<...>, но с понимающей и внимательной <...>)

Похожая ситуация обстоит с прилагательным «безопасный» под влиянием английского прилагательного *safe* (в английском языке может употребляться по отношению к человеку, например, *safe person*, т. е. человек, которому можно довериться) расширяется семантическое поле русской лексемы, по крайней мере в разговорной речи молодежи, и встречаются такие словосочетания, как **безопасный вид дружбы**. Похожий процесс наблюдается со словом *soft* (мягкий), в словосочетании *soft person* – учитывай, нежный. В примере: *у меня тогда была компания, которая была очень soft*, говорящий указывает на то, что люди в компании были очень внимательными и добродушными друг к другу.

Грамматическая интерференция

Материал грамматической интерференции состоит из 50 примеров синтаксической интерференции, из них 22 – примеры, в которых в русском языке под влиянием английского активизируется потенциал русских полузнаменательных глаголов как глаголов-связок: **я нашла себя за тем, что я...** – по аналогии с англ. «*I found myself...*»; **я не помню, как идет мой текст** – по аналогии с англ. «*I don't remember how it goes*»; **я взяла самый долгий путь к магазину** – по аналогии с англ. «*I took the longest way...*»; **он обнаружил себя закрытым и нас не было дома** – по аналогии с англ. «*he found himself being locked...*»; **почему они тогда пошли с этим** – по аналогии с англ. «*why did they go with that then*»; **это делает моему сердцу приятно** – по аналогии с англ. «*it makes my heart feel good*»; **скажи мне, как оно идет** – по аналогии с англ. «*tell me how it goes*»; **у них есть потенциал быть романтическими** – по аналогии с англ. «*they have potential to be romantic*»; **и о том, как пошла их жизнь** – по аналогии с англ. «*and about the way their life went*».

Другими примерами синтаксической интерференции можно назвать следующие: **я хочу этот телефон обратно** (*I want this phone back*); **это что-то, что я откладывала очень долго** (*this is something I postponed for a long time*).

Также были обнаружены примеры интерференции в форме каузальной конструкции: **тебя это грустит?** – по аналогии с англ. «*does it make you sad?*» вместо «**тебя это расстраивает**»; **я все это время делала какие-то вещи, которые меня устали** – по аналогии с англ. «<...> *that made me tired*» вместо «**меня утомили**». Такой случай употребления можно объяснить заимствованием или перенесением категории переходности по семантическому признаку с глагольной единицы одного языка на глагольную единицу другого языка, поскольку правило образования каузальной конструкции в русском языке (действительный залог с винительным падежом перед сказуемым) соблюдено.

Синтаксическая интерференция чаще всего представляет собой нарушенный порядок слов в русском предложении, при этом предложение не теряет своего смысла, но в нем отмечаются редуцирование флексий и использование нетипичного для русского языка порядка слов для передачи грамматических категорий. Например, предложение «*Британцы писали свои статьи для меня, чтобы их читать*» в конце имеет структуру английского инфинитивного оборота со значением цели «*for me to read it*», в то время как для русского языка было бы более естественно присоединить сложноподчиненное предложение с помощью соответствующего союза и согласовать члены зависимого предложения в соответствии с пассивным или активным залогом «для того, чтобы они были мною прочитаны; для того, чтобы я их читала».

В целом в примерах наблюдается тенденция, заключающая в том, чтобы одна языковая единица имела как можно меньше грамматических показателей: «*мне нравится то, что что я говорю, имеет смысл только для тебя*». Предложение «мне нравится, что только ты можешь понять, что я говорю» имело бы тот же смысл, однако в примере заметно усилено значение порядка слов как индикатора грамматических отношений между лексическими единицами. В переделанном варианте этого предложения перестановка его частей не затруднит понимание. Вероятно, выбор говорящего в пользу первого способа передачи сообщений можно также объяснить принципом экономии усилий.

Примеры, в которых глаголы по типу *иметь, делать, находить, быть* используются в позиции вспомогательных глаголов, также служат иллюстрацией сокращения флексивных элементов предложения, например: мы *имеем* зачет, вместо «у нас зачет» по аналогии с англ. «*we have an exam*»; теперь все снова *делает смысл*, вместо «все приобрело смысл» по аналогии с англ. «*everything makes sense now*»; я *всегда нахожу это очаровательным*, вместо «мне всегда кажется это очаровательным» по аналогии с англ. «*I always find it charming*».

Особое внимание следует уделить форме «я [не могу] остановиться + глагол в инфинитиве» по аналогии с англ. «*I can't stop + Ving*». В материале исследования зафиксировано 4 случая использования такой конструкции, вместо «я не перестаю + глагол в инфинитиве»: **я не могу остановиться делать это, не могу остановить себя думать, я не могла остановиться смеяться, я остановилась читать на сороковой главе**.

Основное отличие интерферированного варианта с имеющимся в языке аналогом, глаголом «перестать», состоит в том, что в семантику предложения добавляется категория переходности. Глагол же «остановиться» обладает общевозвратным значением, вследствие чего оба примера относятся к возвратному среднему залогу в русском языке. Таким образом говорящие подчеркивают отсутствие своей возможности повлиять на ситуацию, в которой оказались и которую не получается выразить непереходным глаголом «перестать».

В материале исследования встретились и такие примеры синтаксической интерференции, которые напоминают, скорее, заимствование той или иной синтаксической конструкции: *для меня это было испытанием снимать* – по аналогии с англ. «*it was a challenge for me to shoot*»; *я не знаю, что делать с мягкими игрушками большие* – по аналогии с англ. «*I don't know what to do with toys anymore*». В таких случаях центром заимствованной синтаксической структуры является, вероятнее всего, лексическая единица, например, *anymore* или *challenge*. К таким примерам также можно отнести следующие предложения: *я регулярно встречаю кого-нибудь, чтобы мне с ним обняться* – по аналогии с англ. «*meet someone for me to hug*»; *я не знаю, какое из животных это есть* – по аналогии с англ. «*I don't know which kind of animal this is*»; *какая часть моей жизни это есть* – по аналогии с англ. «*which part of my life this is*»; *не было спрошено ничего политического* – по аналогии с англ. «*nothing political has been asked*»; *это честная штука, чтобы сказать* – по аналогии с англ. «*that's an honest thing to say*»; *было очень приятно выговориться кому-то, кто не в этом* – по аналогии с англ. «*someone who is not in it*». Мотивацию такой интерференции можно объяснить разницей устройства языковых структур – языки стремятся восполнить пробелы в своей системе единицами другого языка, уже заполняющими эту нишу.

Встретился также пример: *<...>, чем я к тому времени уже была способна вывезти* – в предложении присутствует структура, аналогичная англоязычной «..., than I was able to handle». Интересно, что русский аналог «чем я могла вывезти» представляется более выгодным с той точки зрения, что он короче. Несмотря на это, говорящая все равно отдала предпочтение кальке англоязычной конструкции. Такой выбор можно объяснить субъективной необходимостью сделать акцент на своем состоянии, для чего англоязычная конструкция с глаголом состояния «быть» действительно подходит больше, чем русская конструкция с модальным глаголом «мочь». Такие примеры являются свидетельством обогащения языка вследствие языковых контактов.

В примере: *я могу сама, если это нормально* – также присутствует английская структура «*I can do it myself, if that's okay*». В данном случае наглядно проявляется выбор языковых единиц по принципу языковой экономии: «*<...> если это нормально*» синтаксически проще, чем русскоязычный аналог «*<...> если вы не против*».

В материале исследования встречается пример использования единиц русского языка по аналогии с пассивным глаголом, управляющим причастием в английском языке. Так, в примере *мне очень сложно преодолеть свой страх быть увиденной, пытаясь* обратим внимание на конструкцию «*быть увиденной, пытаясь*», сконструированную аналогично англоязычному «*to be seen trying*». Вероятно, выбор такой языковой конструкции объясняется наложением специфического порядка слов, свойственного английскому языку, поскольку для выражения того же смысла на русском языке нельзя было бы так начать предложение, скорее, это было бы «*мне очень сложно преодолеть свой страх того, что кто-то увидит, как я пытаюсь что-то сделать*». Синтаксис английского языка в данном случае позволяет автору расставить субъективно необходимые акценты и сократить количество необходимого согласования.

Были обнаружены также два примера построения словосочетаний по аналогии с англоязычным атрибутивным способом построения словосочетаний: *граффити чувак, тиндер человек* (в контексте: *я совсем не тиндер человек* – по аналогии с англ. «*I am not a tinder person at all*»). Возможность составления таких словосочетаний обусловлена тем, что первые лексемы в них англоязычные, что позволяет избежать необходимости в согласовании.

Рассмотрим далее пример: *если боишься, сделай это испуганно*, обратим внимание на конструкцию «*сделай это испуганно*», созданной аналогично англоязычной конструкции «*do it scared*». Такое утверждение стоило бы перевести как «*бойся и все равно сделай это*» или «*страх – это не повод этого не делать, поэтому сделай это, чувствуя свой страх*». На английском это чаще встречается как диалог «– do it; – but I'm scared; – then do it scared». Это единственный пример, который можно отнести к случаю, когда интерференция могла бы затруднить процесс коммуникации.

Все примеры синтаксической интерференции объясняются, с одной стороны, малой ролью порядка слов в русском языке как флексивном, и, с другой стороны, высокой степенью ригидности порядка слов в английском языке как аналитическом. По всей видимости, такая ситуация является благоприятной для развития интерференции.

Вернемся к процессу словообразования, на который лексико-грамматическая интерференция также может оказывать известное влияние.

Так, интерферируемой единицей может выступать отдельная морфема, например, «*семыш*», где использован аффикс *-ish* с семой «прилизительно», что можно объяснить значительной краткостью и простотой формы выражения данной семантики по сравнению с русскоязычным аналогом «*прилизительно семь*».

Встречаются также примеры образования глаголов от существительных путем конверсии, характерной для английского языка, и совсем несвойственной в таком виде русскому языку: *англичань* (в знач. «*говори на английском*», произв. от слова «*английский*»); *отношаться* (в знач. «*быть в отношениях*», произв. от слова «*отношения*»); *коворкить* (в знач. «*работать в коворкинге*», произв. от слова «*коворкинг*»); *мозгит* (контекст: «*меня бесит,*

что мозг не мозгит», т. е. «мозг не работает»); **языковить** (контекст: «он может языковить, как он хочет», т. е. «он может использовать язык как считает нужным»); **падежисть** (в знач. «использовать падежи»); **драйвила** (от слова «драйв», в знач. «заряжать, мотивировать»); **апгрейтнуть** (от слова «апгрейт», в знач. «улучшить»); **пикникничаем** (от слова «пикник», в знач. «быть на пикнике»); **пороскошило** (от слова «роскошный», в знач. «стало более роскошным»).

Так как английский язык отличается большим количеством совпадающих по форме, но принадлежащих к разным частям речи лексем, наподобие пары «answer – to answer», многие слова образуются способом перенесения языковой единицы из одной парадигмы словоизменения в другую. Для русского же языка свойственно преобразовывать слова с помощью аффиксов. Зачастую словообразование русского языка нарушается по типу «смена парадигмы слова, вне зависимости от правил согласования», при этом говорящий все еще использует аффиксы для того, чтобы обозначить переход слова в другую часть речи. Словообразование может проходить и по принципу присоединения слов, морфологическое оформление слова при этом не меняется. Такие слова причисляются к окказиональным, поскольку их форма не типична для русского языка; их функции можно свести к сокращению длины семантической единицы и, в то же время, увеличению ее выразительности.

Заключение

Интерференция присутствует на всех уровнях языка, во многом на ее распространение влияют экстраграмматические факторы, даже такие, как физическое состояние говорящего (например, усталый билингв более склонен допускать интерференцию, поскольку ослабляется контроль речи), а также языковая политика и культура употребления языковых единиц.

Элементы английского языка в русскоязычной речи вызывают противоречивые мнения. Так, внедрение чужеродных языковых единиц можно рассматривать, с одной стороны, как неизбежный процесс, свидетельствующий, в том числе, о творческом потенциале говорящих, и, с другой стороны, как признак деградации языка. Восприятие интерференции как признака деградации связано с негативной интерпретацией естественных лингвистических процессов, обусловленных принципом языковой экономии. Простота часто ассоциируется с низкой интеллектуальной ценностью, однако упрощение языковой системы не является чем-то, к чему можно применять такую оценку, поскольку интеллектуальное наполнение текстов, формируемых на том или ином языке, не связано с используемыми формальными языковыми единицами. В данном случае метафора деградации кажется неоправданной.

Интерференция распространяется крайне неравномерно и свойственна не всем сферам жизни и слоям населения. В первую очередь это связано с тем, что в наши дни основной площадкой, на которой контактируют английский и русский языковые коллективы, является интернет-пространство. Мотивацией для языкового контакта является, скорее, заинтересованность носителей русского языка в контенте носителей английского языка. Специфика такого контента в данном случае – естественный фильтр для отбора коммуникантов. Так, интерферентные единицы английского языка наиболее распространены в речи русскоязычной молодежи. Чаще всего это жители больших городов и региональных центров, обладающие достаточным уровнем образования и исповедующие ценности, приближенные к ценностям Европы. Интерферентные единицы можно сопоставить со сленгом, причина распространенности которого также заключается в известной предрасположенности молодежи к языковому творчеству.

Среда интернет-общения, в силу обнаруженной тенденции сближения печатного текста со спонтанной речью, является средой, благоприятной для создания окказионализмов, в том числе с помощью интерферентных лексем другого языка.

Кроме того, синтаксическая интерференция, как следует из результатов исследования, приводит к аналитическому связыванию слов в предложении, что говорит о возможной уязвимости категории падежа в русском языке.

Все типы интерференции являются для контактирующих языков источником новых языковых единиц, в той или иной степени недостающих и необходимых, по субъективному ощущению говорящего, в данный момент коммуникации.

Список литературы

- Багана Ж., Хапилина Е. В.** Контактная лингвистика: взаимодействие языков и билингвизм: моногр. М.: Флинта Наука, 2010. 123 с.
- Баранникова Л. И.** Сущность интерференции и специфика ее проявления. Проблема двуязычия и многогэзычия. М.: Наука, 1972. 94 с.
- Вайнрайх У.** Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа. Изд-во при Киев. ун-те, 1979. 263 с.
- Дешериев Ю. Д.** Социальная лингвистика. К основам общей теории. М.: Наука, 1977. 312 с.
- Земская Е. А.** Словообразование // Язык русского зарубежья, общие процессы и речевые портреты. Москва-Вена, 2001. С. 128–135
- Мартине А.** Распространение языка и структурная лингвистика: сб. Новое в лингвистике, 1972, вып. 6, С. 81–93
- Менгель С., Плаксина Е.** Интерференция словообразовательных механизмов в языковых системах билингвов (на примере русского в диаспоре и языков-партнеров) // Зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта. Белград, 2012. С. 177–192.
- Мечковская Н. Б.** Языковой контакт. Минск: Выш. школа, 1983. 456 с.
- Осипова М. А.** Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М., 2002. С. 448–464
- Розенцвейг В. Ю.** Языковые контакты. Л.: Наука, 1972. 80 с.
- Росетти А.** Смешанный язык или смешение языков: сб. Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972. С. 112–119.
- Ульяницкая Л. А.** Лексическая и грамматическая интерференция во фланандском варианте нидерландского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04: защищена 25.12.18: утв. 24.07.19. СПб., 2018. 240 с.
- Щерба Л. В.** Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. 182 с.
- Appel R., Muysken P.** Language Contact and Bilingualism. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2005. 213 p.
- Myers-Scotton C.** Contact Linguistics. Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes. Oxford: Oxford University Press. 2002. 356 p.
- Schuchardt H.** Der Individualismus in der Sprachforschung // Hugo Schuchardt-Brevier. 2-te Aufl. Halle (Saale), 1928. S. 432–433.

Список источников

- Телеграм-канал. The gentlewoman. URL: <https://t.me/discogirl> (дата обращения: 22.11.2023).
- Телеграм-канал. Возвращение в hiraeth или охота на хозяина. URL: <https://t.me/yeatswatchyourass> (дата обращения: 24.11.2023).

- Телеграм-канал. Ксюня, поясни за литру. URL: https://t.me/ksyunya_poisni (дата обращения: 12.12.2023).
- Vova Utrom // YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/@vovautrom> (дата обращения: 22.12.2023).
- Areen // YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/@Areens> (дата обращения: 22.12.2023).
- Настя федько // YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/@nfedko> (дата обращения: 15.01.2024).

References

- Bagana ZH., Hapilina E. V.** Kontaktnaya lingvistika: vzaimodejstvie yazykov i bilingvism: monografiya [Contact linguistics: interaction of languages and bilingualism: monograph]. Moscow, Flinta Nauka publ., 2010. 123 p. (in Russ.)
- Barannikova L. I.** Sushchnost' interferencii i specifika ee proyavleniya. Problema dvuyazychiya i mnogoyazychiya [The essence of interference and the specifics of its manifestation. The problem of bilingualism and multilingualism]. Moscow, Nauka publ., 1972. 94 p. (in Russ.)
- Vajnrajh U.** Yazykovye kontakty: Sostoyanie i problemy issledovaniya [Language contacts: State of the art and problems of research]. Kiev, Vishcha shkola. Izd-vo pri Kiev. university, 1979. 263 p. (in Russ.)
- Dresheriev Yu. D.** Social'naya lingvistika. K osnovam obshchej teorii [Social linguistics. To the foundations of general theory]. Moscow, Nauka publ., 1977. 312 p. (in Russ.)
- Zemskaya E. A.** Slovoobrazovanie [Word formation]. *Yazyk russkogo zarubezh'ya, obshchie processy i rechevyе portrety* [Language of Russian abroad, general processes and speech portraits]. Moskow-Vena, 2001, pp. 128–135. (in Russ.)
- Martine A.** Rasprostranenie yazyka i strukturnaya lingvistika [Distribution of language and structural linguistics]. *Novoye v lingvistike* [New in linguistics], 1972, vol. 6, pp. 81–93.
- Mengel S., Plaksina E.** Interferenciya slovoobrazovatel'nyh mekha-nizmov v yazykovyh sistemah bilingvov (na primere russkogo v diasporе i yazykov-partnyorov) [Interference of word-formation mechanisms in the language systems of bilinguals (on the example of Russian in the diaspora and partner languages)]. *Zbornik radova sa chetrnaeste me'unarodne nauchne konferencshche Komis-shch'e za tvorbu rechi pri Me'unarodnom komitetu slavista* [Collection of Radov's works at the International Scientific Conference Committee for the Creation of Speech under the International Committee of Slavic Studies.]. Belgrad, 2012, pp. 177–192.
- Mechkovskaya N. B.** Yazykovoj kontakt [Language contact]. Minsk, Vysh. shkola, 1983, 456 p. (in Russ.)
- Osipova M. A.** Razgovornyj russkij yazyk immigrantov v SSHA. Leksika i slovoobrazovanie [Spoken Russian language of immigrants to the USA. Vocabulary and word formation]. *Slavyanskaya yazykovaya i etnoyazykovaya sistemy v kon-takte s neslavjanskim okruzeniem* [Slavic linguistic and ethnolinguistic systems in contact with the non-Slavic environment]. Moscow, 2002, pp. 448–464. (in Russ.)
- Rozencvejg V. Yu.** Yazykovye kontakty [Language contacts]. Leningrad, Nauka publ., 1972. 80 p. (in Russ.)
- Rosetti A.** Smeshannyj yazyk ili smeshenie yazykov [Mixed language or confusion of languages]. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow, 1972, vol. 6. pp. 112–119. (in Russ.)
- Ul'yanickaya L. A.** Leksicheskaya i grammaticeskaya interferenciya vo fla-mandskom variante niderlandskogo yazyka [Lexical and grammatical interference in the Flemish version of the Dutch language:]: dis. ... cand. filol. science: 10.02.04: 25.12.18: utv. 24.07.19. Saint Petersburg, 2018, 240 p. (in Russ.)

- Shcherba L. V.** Izbrannye raboty po yazykoznaniiyu i fonetike [Selected works on linguistics and phonetics]. Leningrad, Publish. Leningr. university, 1958, 182 p.
- Shuhardt G.** Izbrannye stat'i po yazykoznaniiyu [Selected articles on linguistics]. Moscow, Editorial URSS, 2003, 291 s. (in Russ.)
- Appel R., Muysken P.** Language Contact and Bilingualism. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2005, 213 p.
- Myers-Scotton C.** Contact Linguistics. Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes. Oxford, Oxford University Press. 2002. 356 p.
- Schuchardt H.** Der Individualismus in der Sprachforschung. In: Hugo Schuchardt-Brevier. 2-te Aufl. Halle (Saale), 1928. S. 432–433.

Sources

- The gentlewoman. Telegram channel. URL: <https://t.me/discogirl> (accessed: 22.11.2023).
- Vozvrashchenie v hiraeth ili ohota na hoziera. Telegram channel. URL: <https://t.me/yeatswatchyourass> (accessed: 24.11.2023).
- Ksyunya, poyasni za litru. Telegram channel. URL: https://t.me/ksyunya_poisni (accessed: 12.12.2023).
- Vova Utrom. YouTube channel. URL: <https://www.youtube.com/@vovautrom> (accessed: 22.12.2023).
- Areen. YouTube channel. URL: <https://www.youtube.com/@Areens> (accessed: 22.12.2023).
- Nastya fed'ko. YouTube channel. URL: <https://www.youtube.com/@nfedko> (accessed: 15.01.2024).

Информация об авторах

Ульяницкая Любовь Александровна, кандидат филологических наук
Скрынник Елизавета Сергеевна, выпускница бакалавриата

Information about the Authors

Liubov A. Ulianitckaia, Cand. Sci. (Philology, 2019), Associate Professor
Elizaveta S. Skrynnik, Bachelor of Linguistics

*Статья поступила в редакцию 03.03.2024;
одобрена после рецензирования 23.12.2024; принята к публикации 27.12.2024*

*The article was submitted 03.03.2024;
approved after reviewing 23.12.2024; accepted for publication 27.12.2024*